РАИСА БЛОХ

ТИШИНА

1935

РАИСА БЛОХ

ТИШИНА

СТИХИ

1928 - 1934

ПЕТРОПОЛИС / 1935

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

I

О тишина, тишина,
Ты, что всегда слышна,
Ты, чей не молкнет зов
В грохоте городов,
В скрипе железных дней,
Ты, что всего сильней!

Голос разбитых льдин,
О глубина глубин,
Озеро темных вод,
Сердце тобой живет

Память о тебе — голос тишины,
В темной вышине — чистый серп луны,
В черной целине — неумолчный ключ,
В глубине, во мне — негасимый луч.
Через столько дней, через все года
Ты мой путь, мой дом, моя звезда.

Растеряла по дорогам годы,
Отпустила по ветру друзей.
Что ж осталось от моей свободы,
Что осталось мне от жизни всей?

Только солнца дым неуловимый,
Что к траве сияющей приник,
Только сердца стук неутомимый —
Тишину внушающий язык.

В гулкий час предутренних молений
Опустись тихонько на колени,
Не зови, не жди, не прекословь.

Помолись, чтобы тебя забыли,
Как забыли тех, что прежде были,
Как забудут всех, что будут вновь.

Апрель 1928.

Так это снова не мои пути?
Другим — и блеск, и зелень, и прохлада.
Весенним днем мне не о ком грустить
И поджидать мне никого не надо.

Пойду одна в кудрявый буйный сад
Послушать птиц: они неутомимы,
И говорят о том, что все любимы,
Что все хранимы Богом говорят.

Оттого что на улицах звон и огни и пакеты,
Оттого что на небе морозная кружится муть,
Я забыла грустить, я забыла и кто ты и где ты,
И куда этот гладкий, укатанный шинами путь.

Черных елок ряды, а за ними лучистые двери,
Золоченые ангелы пляшут за темным окном.
От рассыпанных хвой, от рождественских детских поверий
Веет льдом и смолой, будто здесь не чужбина, а дом.

Вот большими шагами, укутано в шубу большую,
Приближается счастье, мое ли, чужое ли, чье? ..
Я сложила сегодня веселую песню такую,
Чтобы славить мороз и пустое, простое житье.

Берлин. Декабрь 1928.

Втекай лазурь, струись в мои глубины,
Палящий пламень радости и бурь,
Чтоб билась кровь тревогой голубиной
В мой дом, в мой сон, в мой стон втекай, лазурь.

Большим окном, огромною тоскою
Мой дух открылся на твои моря.
О, пусть его ничем не успокою,
О, пусть меня уводит за собою
Бессонная, бездонная заря!

Март 1930.

Я не пишу и не творю,
А только тихо и покорно
Плыву в горячую зарю,
Что мне открылась ночью черной.

И разве то моя вина,
Что ежедневно, ежечасно
Я, Божий колокол напрасный,
Звенеть и петь осуждена.

Весною душа устала,
Ей каждая боль больней,
И даже ребенок малый
Приказывать может ей,

И только одно покорно,
Безвольно твердит она,
Как птица на ветке черной,
Которая петь должна.

Март 1933.

Господи! Умереть бы сразу,
Никогда не поднять бы век.
Не увидеть небес алмаза,
Голубых и горячих рек.
Господи! Потонуть бы сразу,
Позабыть бы себя навек.

Долго ли я скитаться буду,
Раздавать, расточаться всюду
И от скудости умирать?

Ты пошли мне совсем простое
Золотое счастье земное,
Или дай мне уснуть опять.

1931.

Странно, что здесь Париж.
Что мне в названьи новом?
Грозная крепнет тишь
В сердце моем свинцовом,

Будто сейчас прорвет
Дымные эти своды
Ангелокрылый взлет
Вещей моей свободы.

1934.

А грусть, приходит внезапно,
Широкой скользнет волною,
И все заметет дороги,
И все заслонит огни.

К стене прислонишься тихо,
И больше дышать не стоит,
И нет ни гудков, ни звона,
И нет ничего кругом,

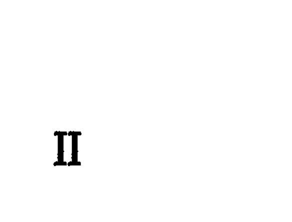
И только неистребима
Все явственней и желанней
Орлиными бьет крылами,
Мне в сердце вонзаясь, боль.

Париж, 1934.

Над моей душой, огневой и дикой,
Над моей слепой, ненасытной жаждой
Ты простер твой плащ, где текут туманы,
Голубой твой плащ, где пасутся звезды.

Научи меня, о Владыка, песням,
Самым чистым, тем, что не спеть и птицам,
Чтобы стал лучом твоего веселья
Твой усталый раб, твой слуга бездомный.

1934.

II

Пусть небо черное грозит дождем,
Я солнце горное видала в нем.

Пусть в блестках инея земля тверда,
В Лагуне синяя тепла вода,

И чайки носятся, и даль чиста,
И так и просятся к устам уста.

Благословенная моя тоска,
Огонь задумчивый, что сладко жжет,
Я привезла тебя издалека,
Я сохраню тебя от всех невзгод.

Лишь всплеск короткий, и тихо будет:
Ни зной ни холод, ни свет ни мгла,
И позабудут живые люди,
Что вот жила я, и вот ушла, —

И только чаек шальная стая,
Водою синей омыв крыла,
В ветрах напишет, кого ждала я,
Кого любила, кого звала.

1930.

Бросить все, закрыть глаза рукой,
Все убить, что совестью зовется.
Я люблю тебя, мой дорогой,
Я влекусь к тебе моей тоской,
Нитью той, что никогда не рвется.

Тяжко, сладко дьявол искусил
Теплым ветром, яблоневым цветом.
Будет так, как ты меня просил,
Будет так, и не раскаюсь в этом.

1930.

Налетает ветер длиннокрылый,
Заметает по дорогам след,
Чтоб не помнить нам того, что было,
Не искать, чего уж больше нет;

И струится небо голубое,
Острова седые унося,
Чтоб нам жить в безоблачном покое,
Ни о чем у Бога не прося

Ну а сердце, сердце не умеет,
Неуклонно темное зовет.
Для него напрасно ветер веет,
Истекает солнцем небосвод.
Ничего оно не разумеет,
Об одном твердит который год.

1931.

Радость моя, любимый мой!
Черной меня затопило тьмой.
В черной пустыне одна тону,
Сердце мое идет ко дну.

Знаю, далеко, в твоем краю
Тучи летят и птицы поют.
Только и светит сквозь ночь мою
Дальнее солнце, в твоем краю.

Август 1931.

Нож железный поверни,
Что вонзился в сердце мне.
Облакам меня верни,
Вышине и тишине.

Пусть растает жизнь моя
С белой пеною небес,
Пусть на век исчезну я,
Как вчерашний свет исчез.

Смоет солнечная мгла
Каждый час и каждый миг,
Чтоб и память не нашла,
Чтоб и голос не настиг.

Август 1931.

Я всем простила, всем, и тем, что здесь томят,
И тем, что за морем, я всем теперь простила.
Я душу по ветру на волю отпустила;
Лети, ненужная, не прилетай назад.

Давно ль, мучительным затянута узлом,
Она в бессилии рвалась и задыхалась.
И вот минула боль, и расточилась жалость,
И грань утрачена между добром и злом.

Возьми же песнь мою, пустая синева!
Мой голос затопи огромными волнами!
Пусть в пламени твоем мое затихнет плач,
И эти горькие слова.

1932.

Я научилась лжи последней
И искушенью и огню.
Я детства ласковые бредни
Сегодня все похороню.

Под этим кипарисом смуглым,
Где птицы прячутся шурша,
Над этим куполом округлым,
Что вырастает не спеша,

Над этим городом равнинным,
Укрытым в дымное тепло,
Куда меня томленьем длинным,
Желаньем долгим привело.

Кроткой весной осенней,
В час, когда гаснут тучи,
Мимо деревьев серых,
Вдоль отсырелых стен,
Тонким дыша туманом,
Глядя в слепые лица,
Слыша гудки и звоны,
Думая о другом...

Кто у меня отнимет
Вечера блеск павлиний,
Что омывает мягко
Шелковая вода,
Теплый слоистый камень,
И кипарисный запах,
И тишину, и радость
Жестких и нежных губ?

Ноябрь 1932.

Мой милый, мой родной, прости меня опять
За жалкую любовь, за боязливый грех,
За то что до конца, до капли не отдать
Дыханье, радость, жизнь тому, кто краше всех.

За то, что не могу на пламени твоем
Ночною бабочкой мгновенно умереть,
За то, что я должна, как факел светлым днем
Беспомощно мерцать, безрадостно бледнеть.

О, пожалей меня за горечь этих лет,
Я столько видела разлуки и тоски,
Я так лелеяла неуловимый след
Твоей сияющей, ласкающей руки.

От любви устать бы можно, от любви:
Столько лет ее бессильную нести.
От нее, от непреложной, как ни рви,
От ненужной, невозможной не уйти.

Пощади, мой милый призрак, пощади!
Ты со мной, любимый призрак, крепко слит,
Словно солнце раскаленное в груди,
От которого никто не защитит.

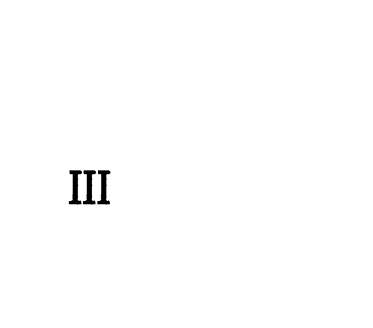
Я могу за стол тихонько сесть,
Книгу взять и думать и молиться.
Захочу, и я припомню лица
Всех друзей, какие в мире есть.

Только губ любимых не вернет
Ни мольба, ни память, ни наука.
Господи, за что такая мука,
Этот долгий, этот сладкий гнет?

1933.

Горькой человеческой тоскою
До краев мне душу напоя,
Знал ли ты, что нежностью такою,
Верностью такой отвечу я.

И сама я к тени приникая,
Призраком себя заполоня,
Разве знала, что желанней рая,
Грешный мрак желанней для меня,

III

Михаилу Горлину.

Шла тихонько по серой улице
Мимо распушенных деревьев,
С надеждой глядя на нежные
Жемчужные фонари.
Было небо сизо-розовым,
А тучи голубыми.
Петушок над острою церковью
На прозрачном чернел кресте.

Шла и думала: как утешиться
Этой свежестью, этой радостью?
Счастлив тот, для кого крылатый
Этот вечер дороже всех.
И еще: зачем на свете
Безучастным томиться призракам,
Если даже в деревьях сонных
Изумрудная бродит кровь.

11 мая 1929.

Когда тебя я вижу,
Я делаюсь добрей,
И солнце светит ближе,
И небо голубей,

И я прощать готова,
И даже боль легка,
И ласковое слово
Слетает с языка,

И сколько есть на свете
Благословений всех —
На детские, на эти
Глаза, где блещет смех.

Август 1930.

Можно сдвинуть неподвижный камень,
Можно вычерпать ковшами воду,
Но тоски не вычерпать, не сдвинуть.
Где конец ее и где начало?

Есть в песках смоковницы и пальмы,
Есть ключи и в зное аравийском,
Но в моей пустыне не утихнет
Голод сердца душный и зловещий.

Друг ты мой, товарищ мой веселый,
Да хранит Господь твои дороги!
Не оставь, побудь со мной немного,
Пожалей, чтоб мне не так томиться.

1932.

Tolle, lege.
Бл. Августин.

Зайди ко мне, закрой тихонько двери,
Сядь на диван со мною рядом, слушай:
Струится ночь над сонными домами,
Огромная, бездонная река.

Мой друг, мой друг, одна в нас зреет тяжесть,
Одна тоска, как рвущееся пламя,
О слове, что во-веки не родится,
О музыке, что хочет прозвучать.

Возьми же книгу, пусть чужая мука
В знакомом, юном голосе воскреснет.
Не книгой ли скитальца Августина
Дитя утешило: возьми, читай.

1931.

Эти строки мука породила,
Что должны в забвении пропасть,
В этих строках жертвенная сила,
Отреченья огненная власть.

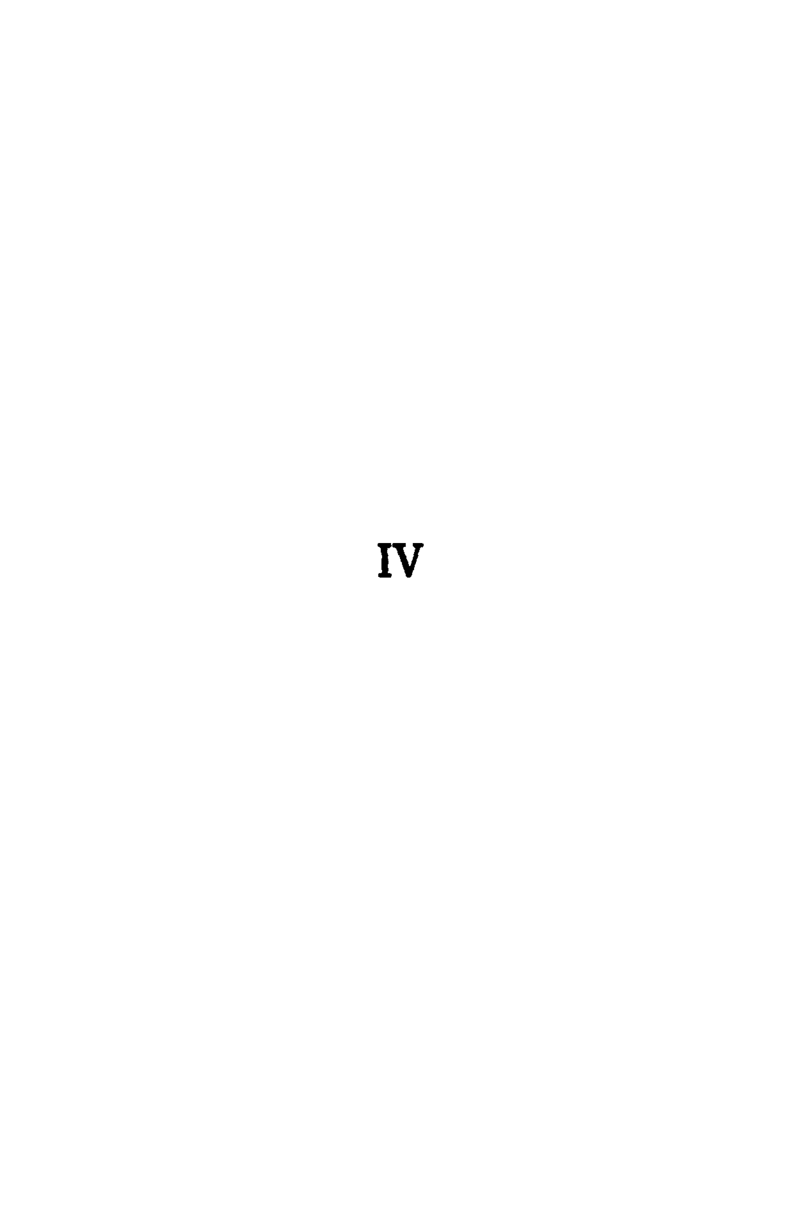
Отрекаюсь от любви ненужной,
От любви не нужной никому,
И от этой нежности недужной,
Что никак я в сердце не уйму.

Отрекаюсь от плода чужого —
Свят мне тот, кто вкусит от него,
Никогда неласкового слова
Не скажу про друга моего!
Не окликнув, отпущу его —
Никогда не изберу другого.

Я тебя люблю, как бабушка внученка,
О твоей любви не спорю, не томлюсь,
Но лишь стоит мне припомнить голос звонкий,
Легче тишина и одолимей грусть.

Знаешь — я стара, хоть радовалась мало.
Знаешь — я одна, хоть с многими была.
Столько на пути я ласки растеряла,
Что уж ласка мне чужая не мила.

Только вот порой припомню голос звонкий,
Молодость твою и твой веселый взгляд.
Я тебя люблю, как бабушка внученка,
За мою любовь не требуя наград.

IV

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.

Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.

Вас не взять, не спрятать, не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.

Не итти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.

Это было, было и прошло,
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

Февраль 1932.

С тех пор, как я узнала,
Чего лишилась я,
Любовью запоздалой
Больна душа моя.

Гляжу на блеск весенний,
На огненную сень,
И застилают тени
Мой непорочный день.

О, где же вы, родные,
Прямые берега,
Дороги ледяные
Сквозь сизые снега?

Где город мой богатый
И ветром и водой,
Чей взвился конь крылатый
Над каменной грядой,

И белые рассветы,
Что я звала, любя,
И ты мой милый, где ты?
Увижу ли тебя...

1928.

Какое должно быть счастье
Итти по улицам влажным,
И каждый камень и каждый
Изъеденный ветром дом
Встречать, узнавать и гладить
Рассеянным, мягким взглядом,
Затем, что и я отсюда,
И все это здесь мое.

И слушать глухое пенье,
Что сердце мое тревожит,
И знать, что оно похоже
На пенье сердец других,
И знать по очкам прохожих,
Какие в них скрыты думы,
Читать по губам угрюмым,
Какое в них слово спит.

Март 1932.

Мне бы снова подойти к окну,
Мне бы только заглянуть во двор,
Где гуляет кошка по бревну,
Где дрова вязанками и сор.

Мне бы слушать медленную речь,
Про клеста, про рыбок золотых.
Няня, няня, сердцу не сберечь
Благодати мирных слов твоих!

Унесло меня за те моря,
Где заря скрывается горя.
Там, где спать ложатся облака,
Флагом треплется моя тоска.

1932.

О том, как в доме большом
Тихонько жилось и чинно,
О красном ковре в гостиной,
О желтых звездах на нем,

О небе, что за окном
Над ржавой снежит флюгаркой,
О кухне, нагретой жарко,
Где можно играть с котом,

И много еще о чем
Я вспомнила, засыпая,
Как если бы мгла слепая
До дна процвела лучом.

1932.

Помнишь: отец, бывало,
Долго стоял молясь —
Белое покрывало,
Черная бахрома.

Солнце в окно блистало,
Радуясь и дивясь, —
Как же к тебе пристала
Торной дороги грязь!

Как мне вернуться к вам, святые имена,
К вам буквы черные — разрушенные храмы?
О, как беспомощно вам кровь моя верна,
Как чует трепетно, как слушает она
Один и тот же зов, веками тот же самый.

Я с вами быть хочу, как те, кого уж нет,
Прилежно повторять, как повторяли дети,
Квадратные слова, простейший ваш завет,
И знать, что ширится неистребимый свет,
И льется в сумерки тепло тысячелетий.

Сентябрь, 1934.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

I

II

III

IV